

Анохина Анастасия Андреевна

ОППОЗИЦИЯ "СВОЕ" - "ЧУЖОЕ" В РОМАНЕ ЛЕНЫ ГОРЕЛИК "МОИ БЕЛЫЕ НОЧИ"

Цель данной статьи состоит в выявлении особенностей оппозиции "свое" - "чужое" в автобиографичном мигрантском романе Лены Горелик "Мои белые ночи". В произведении можно наблюдать феномен постепенного размывания границы между двумя концептуальными рядами "родина" - "чужбина", что становится, с одной стороны, элементом проявления диалога культур, с другой стороны, доказательством возможности перехода к открытой, гибридной идентичности, проявляющейся на различных уровнях текста: идейно-образном, языковом, пространственно-временном.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 1. С. 9-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.112.2

Цель данной статьи состоит в выявлении особенностей оппозиции «свое» – «чужое» в автобиографическом мигрантском романе Лены Горелик «Мои белые ночи». В произведении можно наблюдать феномен постепенного размывания границы между двумя концептуальными рядами «родина» – «чужбина», что становится, с одной стороны, элементом проявления диалога культур, с другой стороны, доказательством возможности перехода к открытой, гибридной идентичности, проявляющейся на различных уровнях текста: идейно-образном, языковом, пространственно-временном.

Ключевые слова и фразы: межкультурная литература; «свое» – «чужое»; гибридная идентичность; межкультурная идентичность; межкультурное литературоведение; Лена Горелик.

Анохина Анастасия Андреевна

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград

anastasiaazonova@gmail.com

ОППОЗИЦИЯ «СВОЕ» – «ЧУЖОЕ» В РОМАНЕ ЛЕНЫ ГОРЕЛИК «МОИ БЕЛЫЕ НОЧИ»

Немецкоязычная литература писателей иностранного происхождения уже на протяжении нескольких десятилетий является объектом исследования современного межкультурного литературоведения. В центре внимания западных и отечественных ученых-литературоведов находятся вопросы возникновения гибридной или межкультурной идентичности авторов-мигрантов, формы репрезентации диалога культур в их произведениях, метадискурсивный аспект творчества и поэтика мигрантской прозы.

Как заметил итальянский писатель (а позднее исследователь) К. Хиеллино, именно процесс миграции стал для него, как и для многих писателей-мигрантов, вдохновением к началу писательской карьеры: «...потеря родины и повседневная жизнь на чужбине, как и необходимость поделиться переживаниями и мыслями, стали источниками моей мотивации писать лирику и анализировать» [7, S. 13]. Писатель-мигрант всегда находится между двумя разными культурами и языками, выступая в роли посредника в диалоге культур. М. М. Бахтин отмечает важность межкультурного диалога как процесса взаимодействия, в котором важным аспектом является взаимопонимание, но лишь при условии сохранения собственной независимости. То есть, с одной стороны, происходит взаимное слияние, с другой – сохранение дистанции [1, с. 430]. Как полноценный культурный акт диалог культур строится именно на границе между «своим» и «чужим», проявляясь при этом сразу на нескольких уровнях текста [2, с. 80].

Выделение оппозиции «свое» – «чужое» в научных исследованиях не ново. Уже с начала века тема представлена в научных работах различных сфер знаний: этнологии, социологии, психологии, культурологии, филологии, – каждая дисциплина дает дефиниции значений на основе своего объекта исследования. В художественной литературе мотив «свое» – «чужое» сравним с возрастом европейских литератур – стоит лишь подумать об «Одиссее» Гомера или литературных путешествиях всех времен и народов. Наше понимание «чужого» строится на актах понимания себя. А. Вирлахер отмечает двойственный характер этого понимания: с одной стороны, оно раскрывается при применении текста в актуальной ситуации интерпретации, с другой стороны, обладает функцией предварительного понимания текста читателем, в обоих случаях в основе научного интереса всегда становятся категории «свое» и «чужое» [13, S. 4].

Понятия «своего» и «чужого» легли в основу межкультурного литературоведения, стремящегося теоретически обосновать процессы, происходящие на «границе» столкновения культур в литературе [11, S. 26]. Во втором издании книги «Введение в межкультурное литературоведение» М. Хоффманн выделяет важную особенность современного глобализированного общества стирать границы между «своим» и «чужим» и смешивать элементы различных культур, что становится причиной появления «переходного состояния» и «открытой идентичности» [12, S. 12]. Британский ученый Х. Бхаба назвал подобное переходное состояние «гибридным» положением между территориями различия, в которых авторы-мигранты находят черты принадлежности к каждому из них, не относясь при этом ни к одному [6, p. 2]. Несмотря на достаточно длительный период научных дискуссий в рамках этой темы, ученые-литературоведы до сих пор не пришли к единому мнению в отношении форм существования и репрезентации гибридной идентичности в литературных произведениях авторов-мигрантов и часто отмечают особое положение вопроса в рамках межкультурного литературоведения.

Как отмечает К. Хайн, гибридные идентичности – это идентичности, обозначающие взаимодействие культурных контекстов [10, S. 433]. Находясь между двумя различными культурами и языками, между

Востоком и Западом, «между ностальгией, западной эйфорией и одновременной невозможностью принять ни тот, ни другой мир» [4, с. 40], писатели-мигранты становятся примером подобного взаимодействия, ведущего к образованию новых «переходных» форм. В. Г. Зусман обозначает литературу мигрантов как прямую зону возникновения гибридных структур. По мнению ученого, эти структуры возникают сразу на нескольких уровнях: жанровом, композиционном, словесно-образном и фонетическом [3, с. 182]. При подобном многоуровневом смешении культурных и языковых элементов границы восприятия себя и окружающей действительности размываются, что приводит к появлению гибридной или межкультурной идентичности. При работе с термином «гибридная идентичность» мы опираемся на исследования Стюарда Холла, определяющего гибридную идентичность как специфичный дискурсивный способ самоопределения в (доминантных) национально-культурных репрезентативных системах [9, S. 425].

В основу процесса формирования гибридной идентичности неотъемлемо входит взаимоотношение концептов «родина» и «чужбина» в сознании литературных героев произведений авторов-мигрантов, что является важной особенностью творчества мигрантских авторов. М. С. Потёмина отмечает бинарные оппозиции «я – другой» и «свое – чужое» как центральные концепты «национального ощущения писателей и их протагонистов в современной Германии» [5, с. 91]. Произведения писательницы Лены Горелик, в частности роман «Мои белые ночи», безусловно, являются ярким примером современной межкультурной литературы, в которой наглядно проявляется взаимодействие концептов «свое» – «чужое» и наблюдается процесс формирования межкультурной идентичности у героев романа.

Противостояние концептов «свое» и «чужое», «родина» и «чужбина» является основополагающим в творчестве писательницы, что неотъемлемо связано с личным опытом миграции. Начиная с эпиграфа романа «Мои белые ночи», читатель понимает связь творчества писательницы с темой миграции: «Для моей семьи, которая всегда была для меня домом, даже когда у нас такого не было» (здесь и далее цитаты приведены в переводе автора статьи. – А. А.) [8, S. 5]. Обозначенный еще в эпиграфе образ родины играет важную роль, проходя лейтмотивом через весь роман. Однако отношение к родине, как и к чужбине, не замыкается на чувстве тоски и потерянности, как это было у представителей первых поколений пишущих мигрантов, а изменяется в течение всего романа.

С первых страниц у читателя формируется двоякое ощущение сопричастности к происходящему. С одной стороны, повествование от лица главной героини содержит в себе достаточно много намеков на радость от предстоящего отъезда, надежду на новое будущее в другой стране, что отражается, например, в описании одного из последних дней пребывания семьи главной героини в России: «В коридоре нашей квартиры висит записка, на которой мой отец написал дату нашего отъезда: 2 мая 1992 года, 23:55, а под ней написано: “Кто с нами?”. Записка должна была просто напоминать о дате нашего отъезда, а вопрос был скорее шуткой, но большинство людей, пришедших на прощальную вечеринку, вписали туда себя, “я” написано теперь бесчисленным количеством почерков и ручек на листке, и совсем скоро там не останется ни единого свободного места...» [Ibidem, S. 8]. Поддержка друзей и семьи, проявленная таким необычным способом, придает героям уверенность в правильности совершенного выбора покинуть родную страну.

С другой стороны, надежды главных героев подкреплены безудержным страхом перед неизвестной чуждой страной и переживаниями: «Хороший вопрос. Что нужно брать с собой, когда мигрируешь из России в Германию? Что брать с собой, когда уезжаешь в страну, где раньше ни разу не был и не знаешь никого, кто хоть раз её видел» [Ibidem, S. 136]. Семье приходится жертвовать очень многим: оставшимися в России членами семьи и друзьями, дата следующей встречи с которыми неизвестна, работой, уютной квартирой и даже любимой собакой, которую немецкое консульство не разрешает взять с собой: «Письмо, которое мы получили на свой запрос, можно ли нам взять собаку с собой, начиналось со слова “к сожалению”. Это единственное слово, которое я знала по-немецки. Я проплакала всю ночь» [Ibidem, S. 9]. Несмотря на все сложности и тревоги, семья предпочитает родине неведомую чужбину, что формирует образы родины и чужбины в сознании читателя, на этом этапе прослеживается четкое соответствие «родина» – «свое», «чужбина» – «чужое».

Чуть позже, вспоминая свое детство, главная героиня рассказывает одному из героев романа о времени перестройки в России, когда все пытались покинуть страну, что передает читателю упаднические настроения в стране тех лет и дает понимание реальных мотивов отъезда: «Каждый теперь пытается покинуть Россию. На Западе хорошо все, а в России – ничего. Вдруг в том, чтобы быть евреем, появилось хоть что-то хорошее. У евреев есть возможность уехать...» [Ibidem, S. 86]. Дефицит продуктов и товаров, коррупция, бюрократия – те причины, которые родители главной героини посчитали достаточными, чтобы мигрировать в другую страну в поиске лучшей жизни для себя и своих детей, что раскрывает образ родины как негативный, связанный с такими концептами, как «бюрократия», «коррупция», «дефицит» и т.д.

Отличие далекого прекрасного Запада от родной страны особенно сильно заметно в первые дни пребывания. «Все здесь очень яркое» [Ibidem, S. 80], – отмечает главная героиня на двадцатиминутной остановке поезда в Варшаве. В Берлине девочку поражает запах: «Берлин хорошо пахнет, чем-то неизведанным» [Ibidem, S. 81], – отмечает она, а также удивляется изобилию редких в то время в России продуктов, таких как киви или банан: «Я лишь один раз в жизни ела банан. Одна подруга подарила мне его на Новый год... Поскольку я провела все зимние каникулы у бабушки с дедушкой, то когда я вернулась, банан стал полностью коричневым. Но я все равно его съела, самое прекрасное, что я когда-либо ела в своей жизни» [Ibidem]. На вокзале в Берлине к отцу семейства подходит мужчина и заговаривает с ним по-русски: «Это Вы правильно сделали, что уехали. Но Вы сделали две ошибки: Вы должны были это сделать еще двадцать лет назад, и Вы должны были взять с собой

лишь это. Он показал на желтую папку с документами» [Ibidem, S. 82]. Ожидания и внутреннее представление героев о «чужой» стране совпадают с реальностью в момент приезда на Запад.

Однако первое идеалистическое впечатление от Германии как «яркой», «светлой», «вкусно пахнувшей» страны вскоре сменяется абсолютно противоположной картиной. Чуждой запах на вокзале в Берлине «вообще-то только в одном месте, там, где продают что-то, что выглядит как хлеб с расплавленным на нем сыром. Стоимостью в половину заработной платы» [Ibidem, S. 81]. Дома беженцев, в которых первое время живут все недавно прибывшие мигранты, оказываются неуютными и мрачными: «На краю города, там, где больше нет никаких домов, а только пара одиноко стоящих американских казарм за колючей проволокой, именно там находится общежитие» [Ibidem, S. 19]. Не совпадающая с ожиданием реальность оказывается пессимистичнее, чем ожидалось, что полностью переворачивает идеалистические представления героев до отъезда.

До переезда Россия казалась героям мрачной и бедной страной, «свое» ассоциировалось с негативным образом разрухи и серости, а Запад, выступающий в данной аналогии как «чужое», наоборот – светлым и перспективным местом для построения будущего. Сразу после переезда эта картина меняется: «Моя бабушка, которой уже почти восемьдесят, много причитает и плачет, она очень хочет вернуться в свою старую квартиру в России. Мои родители часто спорятся, так как каждый ссорился бы, живя лишь на двенадцати квадратных метрах, ведь нам приходится делить душ и кухню с семнадцатью другими русскими семьями, а личное пространство нам только снится...» [Ibidem, S. 20]. В противопоставлении с актуальным «западным» окружением в сознании героев всплывают положительные воспоминания о жизни на родине, в связи с чем родная страна теперь кажется более привлекательной, чем чужое государство, отторгающее иммигрантов.

Пытаясь избежать сожалений о переезде, герои стремятся найти причины и оправдания, иногда доведенные до абсурда: «Ты вообще можешь себе представить, что есть настолько богатые люди, что они покупают воду в бутылках, хотя можно набрать её бесплатно из-под крана? Мы себе такое, скорее всего, никогда не сможем позволить, может, только наши дети. Ведь поэтому мы и приехали в Германию!» [Ibidem, S. 39]. Она погладила меня по голове: «Ну разве тебе не повезло? Мы всего две недели в Германии, а ты уже попробовал настоящую купленную минеральную воду из бутылки!» [Ibidem]. Именно в этот момент повествования можно говорить о начале процесса гибридизации концептов: если в начале романа существуют четкая граница между понятиями «родина» и «чужбина», «свое» и «чужое», «Запад» и «Россия» и соответствующие им концептуальные ряды «бюрократия» – «бедность» – «коррупция» – «разруха» («родина») и «благополучие» – «комфорт» – «богатство» («чужбина»), то в конце романа наблюдается размытие этой границы, что приводит к смешению элементов и гибридизации, это рассматривается нами, с одной стороны, как проявление межкультурной идентичности, с другой стороны, как доказательства ее появления у героев произведения.

В конце романа можно наблюдать феномен восстановления границы «свое» – «чужое», однако уже в обратной перспективе: «Я иду в свою комнату, – произносит моя бабушка, делая при этом ударение на слове “свою”» [Ibidem, S. 262]. Происходит процесс превращения «своего» (Россия) в «чужое», и наоборот – то, что раньше отмечалось как «чужое» («Запад»), становится теперь «своим». Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, в современной мигрантской прозе сохранилось существование оппозиции концептов «свое» – «чужое», «родина» – «чужбина», проявляющейся на различных уровнях текста. В романе Лены Горелик можно наблюдать следующие уровни проявления оппозиции: идейно-образный, языковой, пространственно-временной.

Во-вторых, в романе четко наблюдается процесс взаимовлияния концептов «свое» – «чужое». Одним из важнейших пунктов в этом процессе становится распад концептуальных рядов «родина» – «чужбина»: больше нет четкого деления на «плохое» и «хорошее», «свое» и «чужое», становятся возможными процессы слияния и смешения категорий.

В-третьих, правомерно, на наш взгляд, говорить о том, что процесс постепенного размытия границы между концептами «свое» – «чужое» становится основой формирования у героев романа открытой или межкультурной идентичности.

Список источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Зюнова А. А. Диалог культур в романе Алины Бронски «Парк осколков» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология». 2016. № 2. С. 73-80.
3. Зусман В. Г. Гибридность в литературе мигрантов. Гетерогенное письмо В. Вертлиба // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2013. Т. 10. С. 180-187.
4. Потёмнина М. С. Концепт «граница» в романе В. Хильбига «Временное пристанище» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия «Филологические науки». 2009. Вып. 2. С. 40-44.
5. Потёмнина М. С. «Свое/чужое» как основа реализации субъективной модальности в литературе Германии после 1989 года // Категория модальности и речевой коммуникации: сб. науч. тр. / под ред. И. Ю. Кукса. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2016. С. 91-95.
6. Bhabha H. The Location of Culture. L. – N. Y.: Routledge, 1994. 285 p.
7. Chiellino C. Literatur und Identität in der Fremde. Zur Literatur italienischer Autoren in der Bundesrepublik. Augsburg: Neuer Malik Verlag, 1989. 249 S.
8. Gorelik L. Meine weißen Nächte: Roman. München: Graf, 2004. 273 S.

9. **Hall St.** Kulturelle Identität und Globalisierung // Widerspenstige Kulturen. Cultural Studies als Herausforderung. Frankfurt a/M: Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft, 1999. S. 393-441.
10. **Hein K.** Hybride Identitäten. Bastelbiografien im Spannungsverhältnis zwischen Lateinamerika und Europa. Bielefeld: Transcript Verlag, 2006. 472 S.
11. **Hoffmann M.** Interkulturelle Literaturwissenschaft: Eine Einführung. Stuttgart: UTB, 2006. 246 S.
12. **Hoffmann M.** Patrut Iulia-Karin. Einführung in die interkulturelle Literatur. Darmstadt: WBG, 2015. 186 S.
13. **Wierlacher A.** Mit fremden Augen oder: Fremdheit als Ferment. Überlegungen zur Begründung einer interkulturellen Hermeneutik deutscher Literatur // Das fremde und das Eigene Prolegomena zu einer interkulturellen Germanistik. Gesellschaft für Interkulturelle Germanistik. Bayreuth: Iudicium Verlag, 1994. S. 3-28.

THE OPPOSITION “ONE’S OWN” – “OTHER’S” IN LENA GORELIK’S NOVEL “MY WHITE NIGHTS”

Anokhina Anastasiya Andreevna
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad
anastasionova@gmail.com

The purpose of the article is to identify the peculiarities of the opposition “one’s own” – “other’s” in the autobiographical migrant novel “My White Nights” by Lena Gorelik. In the work one can observe the phenomenon of gradual blurring of the boundary between two conceptual sets “homeland” – “foreign land”, which, on the one hand, becomes an element of the dialogue of cultures, and on the other hand, the proof of the possibility of transition to an open, hybrid identity, manifested at different levels of the text: ideological-figurative, linguistic and spatial-temporal.

Key words and phrases: intercultural literature; “one’s own” – “other’s”; hybrid identity; intercultural identity; intercultural literary criticism; Lena Gorelik.

УДК 82.091

Переводы сонетов Шекспира на русский язык всё чаще воспринимаются переводчиками как единый поэтический цикл. При этом отдельные авторы еще и теоретически обосновывают подобное прочтение. Это позволяет точнее понять переводческий подход и оценить новаторство автора в поиске циклообразующих основ шекспировского сонетного свода. Цель данной статьи – рассмотреть теоретические работы двух авторитетных современных переводчиков – В. Б. Микушевича и Я. М. Колкера. Именно эти авторы наиболее убедительны в аналитическом объяснении своих взглядов на единство поэтического сборника Шекспира.

Ключевые слова и фразы: сонеты Шекспира; русские переводы сонетов Шекспира; поэтический цикл; жанровые резервы; трансмутация.

Будянская Надежда Викторовна
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
nadyaboo@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЕДИНСТВА СБОРНИКА «СОНЕТОВ» ШЕКСПИРА (В ПЕРЕВОДАХ В. Б. МИКУШЕВИЧА И Я. М. КОЛКЕРА)

Сонеты Шекспира, являясь произведением «на все времена», волнуют умы переводчиков и исследователей свода и снова. С тех пор как в свет вышел перевод полного цикла «Сонетов» Шекспира, выполненный Н. В. Гербелем, переводчики находятся в постоянном поиске новых циклообразующих основ сонетного свода. И если в XIX веке основным циклообразующим моментом сонетного сборника рассматривался сюжет, то с появлением новых переводческих версий «Сонетов» обнаруживаются все новые и новые циклообразующие средства, подтверждающие единство шекспировского сборника стихов. При этом количество переводчиков, воспринимающих сонеты цельным поэтическим сборником, постоянно растёт.

Однако есть переводчики, которые в своей деятельности не только переводят «Сонеты», но также приводят теоретические обоснования монолитности сонетного свода и той последовательности сонетов, в которой они представлены. Обнаруживая принципиально новые резервы внутренней целостности шекспировского сборника, эти переводчики убеждены в том, что такие циклообразующие резервы таятся в жанровых особенностях самого сонета, особенно сонета английского, или, как его ещё называют, шекспировского. В данной работе мы попытаемся представить позиции двух современных авторов, которых объединяет идея циклообразующего потенциала, скрытого в самом сонете. Это В. Б. Микушевич (род. 1936) и Я. М. Колкер (род. 1938), которые не только перевели весь сонетный цикл, но и четко обозначили свои исследовательские подходы относительно композиционного единства «Сонетов» Шекспира.

Обратимся вначале к В. Б. Микушевичу. В 2004 году он опубликовал свой перевод полного цикла шекспировских стихов, сопроводив их серьезным исследовательским материалом [2]. Сонеты Шекспира трактуются здесь не как сумма отдельных произведений, а как целостное произведение, объединенное единым сквозным сюжетом и действующими лицами.